

СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Одной из наиболее обсуждаемых тем, связанных с проблемой человека в глобальном мире, является вопрос о специфике информационных технологий, их влиянии на человека и общество. В числе наиболее дискуссионных здесь – вопрос о сетевой коммуникации¹, то есть о специфике отношений между людьми, строящихся «изнутри» и «вокруг» Сети.

Во многих теоретических моделях, описывающих подобную коммуникацию, имплицитно предполагается, что сетевое взаимодействие активно влияет на социокультурную идентификацию вступающих в коммуникацию индивидов и групп. И, соответственно, рассуждать об идентификационных процессах в данной связи уместно и даже необходимо. Считается, что сам факт коммуникации неизбежно вносит специфические акценты в становление «сетевой идентичности»² – феномена, раскрывающего суть самоинтерпретации субъектов, вступающих в сетевую коммуникацию. С таких позиций обычно исследуются те или иные профессиональные сообщества («учёные», «филателисты»); различные лингвокультуры («французы», «испанцы»³), а также феномены, связанные с *межкультурной коммуникацией* на платформах сетевых сообществ.

Тема сетевой идентичности, особенно в контексте футурологии,

¹ Латур Б. Надежды конструктивизма / пер. с англ. О. Столяровой // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. С. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365-390; Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. №. 1. С. 94-115; Душина М.О. Методы сетевой коммуникации в дигитальном обществе: бенчмаркинг, краудсорсинг, краудфандинг // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. №. 1. С. 105-114; Глаголев В.С. Реализм анализа – исходное условие научной перспективности (содоклад) // Право и управление. XXI век. 2011. № 4 (21). С. 12-18.

² Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского Университета. Серия 14: Психология. 2013. № 1. С. 66-83.

³ Королева А.А. Трансформация социокультурной идентичности в условиях перехода к сетевому обществу (сравнительный анализ опыта России и Испании). Автореферат дисс. уч. ст. к. культурологии. МГИМО. М., 2015. 27 с.; Сухомлинова В.В. Альтернативный коллективизм: глубинные характеристики традиционного китайского общества // Манускрипт. 2018. № 9 (95). С. 93-99.

заметно увлекла не только специалистов. Ею заинтересовались также представителя творческих профессий, не обошла она стороной и массовое сознание, достаточно вспомнить резонансный фильм Джеймса Понсольда «Сфера» (2017). Одной из специфических черт, привлекающей наибольшее внимание, в последнем случае выступает феномен «прозрачности», характеризующий наиболее «жёсткие» модели « сетевого общества» будущего. Так, согласно концепции «прозрачного общества» американского писателя-фантаста и футуролога Дэвида Брина, повышение степени доступности средств коммуникации и наблюдения, а также способов обработки и хранения информационных данных, ставят вопрос о «пределах человеческого» как частного. «Дорога к открытости» пролегает через интенсификацию потоков информирования людей друг о друге (потенциально – каждого о каждом), реализуя стратегию «знание – сила». Что, в частности, позволяет производить «обратное наблюдение» – то есть наблюдать за наблюдателями, минимизируя возможности злоупотребления информацией⁴. По сути, Брин продолжил линию рассуждений Ж.-Ф. Лиотара о путях «краха Большого Нарратива»: «открытость информации» – лучший способ её «спрятать». Аналогично герои упомянутого выше фильма «Сфера», оказываясь в заложниках у собственных изобретений и даже пережив бунт против технологий «прозрачности», к концу фильма приходят к выводу: несмотря на вопиющие нарушения приватности, «прозрачность» (фактически, всеобщая слежка с помощью технически совершенной сети приборов тотального наблюдения и контроля) – неизбежное будущее технологически продвинутого социума. Другая эра уже наступила, мир никогда не будет таким, как прежде.

Интересно, что, согласно Брину, приватность в «прозрачном

⁴ *Brin D. The Transparent Society: Will Technology Force Us To Choose Between Privacy And Freedom? Paperback. N.-Y.: Perseus Books, 1996. 378 p. P. 278-330.*

обществе» не разрушается⁵. Напротив, она поддерживается за счёт информационных противотоков: публичное пространство (например, ресторан) даёт массу возможностей подслушивать и подглядывать, однако страх всеобщего осуждения в силу невозможности скрыть сами акты подглядывания и подслушивания исключает массовые злоупотребления этого типа. Политические проекции открытости выводят на концепцию гражданской «транспарентности», основанной на внедрении информационных технологий в публичное пространство.

Стоит иметь в виду, что уже сегодня существуют не только добровольные формы «прозрачности» (о которых ведут речь Лиотра и Брин), но и «навязанные извне» формы контроля, – например такие, как отслеживание «по лицам» перемещений в рамках городских, производственных и общественных пространств. Классический пример – камеры видеонаблюдений в музеях, магазинах, общественном транспорте и т.д. При этом, оставаясь всё ещё весьма трудоёмким, процесс «определения лиц» для решения конкретных задач безопасности применяется довольно успешно. Не следует забывать, что программы автоматического распознавания постоянно совершенствуются, равно как неуклонно разрабатываются новые подходы к системам «глобального контроля», позволяющим в случае необходимости детально отслеживать траекторию индивидуальных перемещений и контактов. А по закону «удар/контрудар» это означает, что с не меньшей интенсивностью должны разрабатываться ассиметричные системы уклонения от такого слежения.

Если посмотреть на мир глазами обывателя, описанная выше девальвация приватности опирается на внешнее наблюдение, действительно ставшее сегодня нормой повседневности в общественном (гипермаркеты, транспорт, людные улицы) и частном (радио- и видеоняни)

⁵ Хотя далеко не все исследователи с этим согласны См.: *Hajnal Z. The Impossible Trinity of Security, Freedom and Privacy // Securitologia. 2016. №. 2 (24). P. 131-145.*

пространствах. Вместе с тем, к настоящему времени отчётливо определился вектор общественного стремления к демонстрации деталей своей приватной жизни в социальных сетях. Здесь буквально несколько лет назад появились функции, позволяющие выкладывать сообщения, фото и видео записи в режиме реального времени, повествовать о своём времяпровождении, а также отслеживать местонахождение и даже физическое расположение других пользователей, с которыми адресант связан в системе через принятие приглашения о контакте. По сути, речь идёт о трансляции повседневной жизни конкретного человека. Примером может служить популярный в Китае мессенджер WeChat, который объединяет в себе задачи средства коммуникации и основную платёжную систему, прозрачную в том числе для госконтроля. «Миф» о прозрачном обществе, таким образом, имеет массовое, технически продвинутое и в этом смысле совсем не виртуальное обеспечение. Тем не менее, вопреки прогнозам «Сферы», до воплощения мечты о тотальном контроле граждан и здесь всё ещё далеко.

Между тем, точечный дискомфорт в силу «повышенной прозрачности» частной жизни можно ощущать уже сегодня. О таком дискомфорте не понаслышке знают публичные люди, причём их количество в наши дни стремительно растёт. Если раньше в него входили политики, известные в своей области специалисты, люди искусства и проч., то сегодня (в том числе, благодаря «раскрутке» и блогингу), оформился новый общественный кластер так называемых «селебрити» – блогеров, моделей и других персон, известных только тем, что они известны (например в силу участия в медийных проектах, сознательно эпатажного и даже скандального образа жизни и т.д.). Властные структуры заинтересованы в том, чтобы взять под контроль «стихийных» представителей этого рынка (хотя и не всегда демонстрируют это так открыто, как в странах Юго-Восточной Азии или, например, в России).

Модных блогеров слушают десятки тысяч молодых людей, их «открытость» открывает возможность заработать авторитет (в том числе, политический) и/или деньги. В то же время, работа с молодёжной аудиторией, где очень развита подражательность (при высоком уровне психологической диффузности), делает «прозрачность» медийных персонажей не только «ходовым товаром», но и предметом зависти и подражательных действия со стороны их аудитории. Возможно, не за горами то время, когда конструирование сетевой идентичности станет отдельной профессией, как сейчас специалист в области пиар или «продавец личностей» на чёрном рынке медийных услуг.

При этом надо понимать: технологии «раскрутки» в Интернете имеют свои «естественные» границы. Сугубо установочные, не подкреплённые реальными достоинствами проекты здесь могут иметь «не одну» жизнь, однако и они не вечны. Таким образом философско-культурологические исследования проблемы «лжи в Интернете» очень скоро могут оказаться среди наиболее остро востребованных проблем безопасности; подобно тому, как проблемой безопасности стало сегодня следствие такой лжи – фейковые новости.

Тема лжи в Интернете и подобные ей востребованы в наши дни не только перед лицом угрозы информационных и гибридных войн. Размывание «сетевой идентичности», тенденция её перерастания в «глобальную идентичность», наряду с ростом «прозрачности», вызывают глубинные антропологические изменения. Так, говоря о «прозрачности», мы все чаще говорим не о личности, а об индивидуальности, то есть рассматриваем человека в смысле безликой партикулярности (частичности); имеем в виду человека, *регулярно* переживающего себя как *часть целого* (толпы, «массы»). Фактически имеет место легитимация «человека толпы». Политические коннотации данной темы хорошо

проработаны классиками и современными авторами ⁶, начиная в «Восстания масс» Х. Ортеги-и-Гассета и «Одномерного человека» Г. Маркузе, и заканчивая теорией группового принятия решений, имеющего, как известно, не только с положительные, но и отрицательные стороны. Так, Дж. Стоунер ещё в 1962 г. ввёл понятие «сдвиг к риску», под которым понимается склонность принимать более рискованные решения как результат группового обсуждения ⁷. В теории принятия решения этот феномен позднее получил выразительные названия: «эффект групповой поляризации» (Д. Майерс, Д. Бишоп), «огруппление мышления» (И. Джейнис) и др. Подобное поведение связано со специфическими явлениями, которые сегодня мы можем распознать как риски реализации сетевой идентичности: иллюзия неуязвимости, негативная стереотипизация посторонних, игнорирование негативной информации, давление на несогласных и т.д.

Глобальная сеть, выстраивая коммуникацию по определённой технологической схеме, вырабатывает сходные маркеры сетевого поведения, которые способны полностью нивелировать «обособленность» классических типов (национальную, культурную и проч.): сетевая идентичность с лёгкостью переключается на заместительные типы референтных групп. Впрочем, их рокировка не позволяет закрепить ни одну из них в качестве базовой. С другой стороны, Сеть не стоит демонизировать: она есть порождение человека и выражает его долгосрочные ориентации, среди которых (возможно, к счастью) есть полярные. Сетевой этикет и даже сетевая мораль не могут таким образом полностью исключить из реального (а не виртуального) общения несетевые формы поведения. Насколько им удастся доминировать в новых

⁶ *Глаголев В.С.* Нематериальные факторы в международных отношениях / Современная наука о международных отношениях за рубежом. Под общей редакцией И.С. Иванова. Москва, 2015. С. 10-18.

⁷ *Stoner J.A.F.* Risky and cautious shifts in group decisions: The influence of widely held values //Journal of Experimental Social Psychology. 1968. Vol. 4. No 4. P. 442-459.

условиях – вопрос, требующий дополнительного изучения.